

Глава 2

Янь Ци стоял на склоне холма, не в силах сдвинуться с места.

Он долго смотрел на цветок — тот самый, который они пересаживали вместе с Директором Гао. В голове было пусто, ни одной связной мысли.

Цветок давно погиб. Только умер он не от засухи — его погубила вода. Слишком много воды. Всё растение будто придавило чем-то тяжёлым, вмяло в раскисшую землю; вид у него был жалкий и нелепый.

Янь Ци вспомнил ливень, обрушившийся той ночью сразу после пересадки, и про себя тяжело вздохнул.

Не пересаживали бы — протянул хоть немного дольше.

Все труды впустую.

Он опустился прямо на землю рядом с цветком и принялся пальцем легонько трогать его поникшие лепестки — один за другим.

На этом пустыре деревьев не было, и весь склон был открыт солнцу. Янь Ци впервые провёл под ним целый день — с утра до вечера, — и это нещадное пекло его изрядно злило.

Он провёл ладонью по лицу — она тут же стала мокрой от пота. Злость только усилилась.

Директор Гао, должно быть, умер. По какой именно причине — он решил не выяснять. Что толку? Только лишний повод расстраиваться.

Со своим горем Янь Ци справлялся плохо. Иногда оно выплёскивалось злостью, иногда — слезами, которые он сам не замечал, пока те уже не текли по щекам. Это его страшно раздражало.

Как сейчас, например.

Постояв ещё немного на склоне, он побрёл в сторону железного мостика.

Сел на берегу под мостом и долго смотрел на воду. Потом поднял камень и швырнул его в реку.

— Эй! Ты здесь? — крикнул он, сложив руки рупором. — Монстр!

Тишина.

— Мой дедушка умер. Выходи, поговори со мной, — снова позвал он.

Ни звука в ответ.

Янь Ци бросил ещё несколько камней, поглядел на воду, потом встал, отряхнул штаны и побрёл обратно, не поднимая глаз от носков своих ботинок.

Ему нужно было решить, что делать дальше.

С уходом Директора Гао смысл оставаться здесь исчез сам собой. Приют никогда не был для него настоящим домом — он это прекрасно понимал. Жить в стаде ему не подходило. Без кого-то близкого рядом внутри была только пустота — гулкая, тревожная, — и единственное, что в ней шевелилось, это глухое раздражение, которое не утихало ни на минуту. Казалось, только драка с местным заводилой могла хоть немного унять этот зуд.

Он посмотрел на заводилу — тот был выше на голову и шире в плечах раза в два. Через пару секунд эта идея тихо умерла сама собой.

Янь Ци собрал вещи.

Из имущества у него было немного: несколько комплектов одежды, купленных Директором Гао, и несколько учебников английского. Между страниц — фотография. Они с Директором Гао, чёрно-белая. Мрачноватый выбор, честно говоря: как будто кто-то заранее знал, чем всё кончится.

Он сложил книги в рюкзак, затолкал туда же одежду. Рюкзак раздулся до размеров небольшого мяча. Янь Ци прижал его к груди.

Засиживаться незачем. Надо уходить.

Только вот когда — ночью или днём — он ещё не решил. Поэтому раздражённо почесал лоб, поставил рюкзак обратно на кровать и лёг рядом.

На следующее утро Учитель Ли — то есть теперь уже Директор Ли — подняла всех и объявила: сегодня приедут приёмные родители.

Янь Ци как раз застёгивал рюкзак. От неожиданности он замер.

За весь год в приюте он ни разу не слышал, чтобы кто-то действительно приходил усыновлять

чужих детей.

«Раз даже родные бросили — кому вообще понадобилось проявлять такую доброту?»

Ладно. Можно сначала глянуть на этих людей, а потом уйти. Никуда не торопиться. Он потрогал живот — слегка урчало. Сначала завтрак.

За едой заводила пнул его рюкзак и поинтересовался: зачем тащить такой ком за спиной прямо на завтрак?

Янь Ци промолчал. Жирный след от ботинка на ткани рюкзака он заметил и очень хотел ответить — но сейчас нельзя. Получишь по лицу, и с синяком далеко не убежишь.

Он аккуратно составил тарелки, убрал поднос на место и потрогал живот. Не наелся.

В рюкзаке лежали сладости. Он сглотнул и удержался.

Сейчас нельзя. На дорогу пригодятся.

Детей собрали внизу и рассадили в ряд.

Янь Ци на скамейку не сел — среди своих сверстников он был не из высоких, а заводила устроился прямо перед ним. Сиди не сиди, хоть спину ломай — всё равно ничего не увидишь. Так что он занял место в последнем ряду и привалился к стене, экономя силы.

Скоро в дверях появились двое. Муж и жена — вошли вместе, улыбались, помахали детям.

Янь Ци прищурился и принялся их разглядывать.

Мужик был некрасивый — грубые черты, плотная фигура, льняная жилетка цвета кофе с молоком. Улыбку давил из себя с трудом. Внешность так себе, но в каждом жесте угадывалась нежность к жене: то поддержит за талию, то притянет за плечо, оскалит жёлтые зубы и что-то весело поддакнет. Пока женщина разговаривала с Директором Ли, он стоял рядом и молчал, не встречая. Странное дело: за всё это время он ни разу не взглянул на детей — только на жену.

Приехали усыновлять — а на детей не смотрит. Странно.

Женщина была красивой. Не той красотой, что бьёт в глаза с первого взгляда, — скорее такой, которую замечаешь не сразу, но потом не можешь оторваться. Черты лица по отдельности — ничего особенного, но вместе они складывались в нечто тёплое и притягательное. Хотелось

приблизиться — просто так, без причины. По движениям чувствовалось: человек домашний, спокойный. Руки с длинными пальцами были слегка покрасневшими и шершавыми — руки человека, который много работает по дому. Одевалась скромно, без украшений и ярких цветов, — и всё равно это ей шло.

Если б они вошли порознь, Янь Ци ни за что не догадался бы, что они вместе.

«Если у неё есть свои дети — им очень повезло».

Он всё ещё смотрел на неё, думая о своём, когда вдруг заметил, что женщина уже не разговаривает с Директором Ли — она смотрит прямо на него. Янь Ци дёрнулся было отвести взгляд, но не успел.

Отворачиваться теперь было бы слишком неловко. Он решил не дёргаться и смотрел на неё в упор.

Секунд через десять женщина улыбнулась ему.

Что-то мягкое и тёплое кольнуло внутри — будто провели по сердцу лёгкой кистью. Всё тело на мгновение стало каким-то невесомым.

Когда он пришёл в себя, то стоял уже прямо перед ней.

Холодный пот выступил мгновенно.

— Какой красивый мальчик, — сказала она. Голос у неё был очень приятный. Она потрепала его по волосам.

Директор Ли взяла его руку и вложила в ладонь женщины. Прикосновение было незнакомым — и почему-то очень правильным. В носу сразу зашипало.

— А-а-аунт... Тётя, здравствуйте, — выговорил он.

— Это Су Цзинь, — объяснила Директор Ли, — а рядом — дядя Чжоу Хао. — Потом повернулась к гостям и с теплотой в голосе добавила: — Янь Ци — очень способный мальчик. Хорошо знает английский, есть способности к музыке и спорту. Ну и самое очевидное — очень красивый ребёнок. Взрослые от таких без ума.

Янь Ци и правда был симпатичным. Сам он пока ещё не знал слова «красивый» в применении к мальчикам, но «хорошенький» его не обижало.

Мягкие чёрные волосы слегка вились на лбу. Брови — не густые и не редкие, в самый раз. Большие живые глаза со светло-кариими радужками: даже при слабом освещении они казались яркими. Нос прямой, губы бледно-розовые, не тонкие и не пухлые.

Именно поэтому взгляд Су Цзинь остановился на нём без единого мгновения колебания.

Янь Ци сидел на скамейке у входа, упёршись локтями в колени и подперев голову руками, и рассеянно смотрел на детей, возившихся во дворе.

Он думал о том, что сейчас должен был бы уже идти куда-нибудь. Смотреть на незнакомые улицы, которые при этом почему-то всё равно казались знакомыми. Год назад он колесил по этому городу без цели и без остановки — нырял в переулки, пробирался дворами, разглядывал многоэтажки и покосившиеся хибары. Ездил в автобусах. Однажды даже умудрился залезть на товарный грузовик. Ничего из той прошлой жизни он не помнил — ни откуда пришёл, ни куда шёл. На нём не было ничего, что могло бы рассказать о нём хоть что-то. Даже родимого пятна — как в дурных телесериалах — и то не нашлось.

Он специально проверял. Тщательно, со всех сторон, в самых потаённых местах. Кожа чистая, белая — ни пятнышка, ни родинки.

Впрочем, будь оно даже там — не больно-то покажешь кому попало.

Янь Ци вообще не задумывался об этом. Прошное его не тяготило. Те, кто бросил его когда-то, давно перестали занимать хоть какое-то место в его мыслях. Бросили — и бросили. Самому потом за ними бегать — слишком большая честь для них.

Тот год пролетел быстро. Наверное, потому что жить без цели — значит жить без времени. Не было никого, кто был бы ему нужен, не было ничего, что его задерживало. Пустая оболочка, которой требовалась только еда. Еду он добывал без особых усилий: в металлических баках у дороги не было ничего стоящего — там только мусор. Настоящая добыча водилась в больших пластиковых контейнерах у жилых домов и ресторанных задворков.

Он вздохнул. Всё это уже начинало стираться — и хорошо. Директор Гао как-то говорил, что память до пяти лет не сохраняется. Может, поэтому то время уходило, не оставляя следов. А ещё — целый год нормальной жизни в приюте. И теперь вот — дом.

Жаль только одного: почему бы не вычеркнуть заодно и всё до шести лет? Тогда и Директор Гао постепенно бы забылся — а не вот так: что-то сжимается внутри в самый неожиданный момент, и слёзы уже на пороге, хотя никто не звал.

Он оглянулся на дверь — там всё ещё оформляли бумаги. Потом снова посмотрел во двор на

детей, которых не мог запомнить в лицо. Достал из рюкзака учебник английского, вытащил из него чёрно-белую фотографию и чуть растянул губы в подобии улыбки.

«Я ухожу, Директор Гао.

Пойдём вместе».

Так называемый дом оказался на дальней окраине города, в районе, от которого за версту веяло бедностью. Никакого многоэтажного краснокирпичного дома — всего лишь отдельный домик, такой же потрёпанный жизнью, как и весь квартал. Штукатурка отваливалась кусками, стены выглядели так, будто помнили ещё совсем другие времена.

Янь Ци вошёл во двор, держа Су Цзинь за руку. В том, что должно было быть гостиной, стояли два стола — большой и маленький, — больше почти ничего. Стены такие же белые, как в приюте.

Они поднялись на второй этаж. Су Цзинь подвела его к двери его комнаты.

Янь Ци сам не заметил, как стал ждать. Что там за дверью — вдруг стало важным. Понравится ли? Почувствует ли он что-нибудь похожее на «своё»?

Дверь открылась — и он замер.

Всё здесь было продумано. Каждая деталь, каждый уголок — в них чувствовался чей-то долгий и внимательный труд. Труд Су Цзинь — это было очевидно. Янь Ци прекрасно понимал: впереди долгая жизнь рядом с этой женщиной, и если он хочет, чтобы она была хорошей, надо уметь её радовать. Надо давать ей то, что она ищет.

Он обнял её за талию и тихо произнёс:

— Мама.

Что-то упало ему на макушку — тёплое и влажное. Потом на щеку. Он поднял голову и увидел, что Су Цзинь плачет — совсем тихо, почти беззвучно.

Янь Ци не ожидал, что это слово так много значит. Он снова уткнулся лицом в её живот и замер. Говорить было нечего — только стоять рядом.

В следующие недели они несколько раз ездили в полицейский участок. Бумаги, подписи,

очереди, снова бумаги — всё это вымотало его до нитки. Оказывается, чтобы по-настоящему стать чьей-то мамой, одного слова мало.

По ночам из комнаты напротив иногда доносились голоса. Янь Ци слушал вполуха. Спор шёл о прописке — на кого оформлять. Усыновить ребёнка предложила Су Цзинь. Чжоу Хао согласился — из любви к жене и потому что в этом доме он был зятем, а не хозяином, и лишний раз спорить было не с руки. Но гордость взяла своё: мальчик — и точка, и только на его фамилию.

В конце концов Янь Ци был вписан в домовую книгу семьи Чжоу.

Су Цзинь посадила его рядом с собой и раскрыла коричневую книжечку. На голубых страницах — имена. Одно за другим.

Янь Ци неплохо знал английский, а вот с китайскими иероглифами дружил слабо. Су Цзинь читала вслух. Хозяином домовой книги числился дедушка — тяжелобольной, лежит в реанимации на аппарате.

У дедушки трое сыновей. Старший — Чжоу Хао, его приёмный отец: мужик суровый на вид, но моложе, чем кажется. Средний — Чжоу Юань; на его странице стояла красная печать — Янь Ци такие знал, хотя видеть их здесь не ожидал. Молодой, а уже. Младший — Чжоу Сюнь, самый удачливый из троих: владеет небольшим, но известным издательством.

Все три имени он запомнил только со слов Су Цзинь — сам прочитать не смог бы.

Зато последнее имя он узнал сам.

Янь Ци ткнул пальцем в последнюю страницу и медленно прочёл:

— Чжоу Ло?

<http://bllate.org/book/20076/2028458>